

Глава 2

В последние дни слуги в поместье цзюньвана стали замечать, что их господин, вернувшись из храма Ляодэ, словно переродился.

Весна — благодатная пора для прогулок и развлечений. В прежние годы в это время маленький цзюньван либо повсюду следовал за господином Даем, не желая расставаться с ним ни на миг, либо кочевал по столичным ресторанам в поисках сезонных деликатесов. Хотя разум юноши и пострадал от недуга, вкус его оставался на редкость утончённым: ни одно блюдо, будь оно дурным или изысканным, не могло обмануть его чувств.

Однако теперь он не покидал своих покоев вот уже полмесяца.

Целыми днями Чу Ван просиживал в комнате, сжимая в руках ту самую нефритовую подвеску. Он мог часами не сводить с неё глаз, храня глубокое молчание; лишь порой на его лице отражалась целая гамма чувств. Со стороны это казалось уже не просто отрешённостью — маленький цзюньван выглядел так, будто в него вселился бес.

Среди прислуги поползли шепотки: одни гадали, был ли дар старого мастера священным артефактом, другие же всерьёз опасались, не принесёт ли этот предмет беду.

Сам Чу Ван, разумеется, не обращал на эти толки никакого внимания.

Окончив обед, он привычно погладил изящную шею нефритового журавля и с нетерпением позвал невидимого собеседника:

— Господин Журавль! Я наелся! Теперь можно продолжить историю?

Если бы взору юноши были открыты бесплотные духи, он непременно заметил бы, как в глубине нефрита вспыхнула и тут же угасла едва различимая алая искра. Чэн Янь воспринимал любое прикосновение к своему носителю — именно так он мог чувствовать окружающий мир.

«Я же просил: не трогай меня за шею, это щекотно!» — в который раз напомнил он, чувствуя, как его душа невольно содрогается от дискомфорта.

Чу Ван поспешно отдернул руку, но тут же легонько погладил журавля по голове и виновато прошептал:

— Прости, прости, ты такой гладкий... Я просто не удержался. В следующий раз буду осторожнее!

«...»

Чэн Янь лишь обречённо промолчал. Он давно привык, что, будучи призрачным духом, вынужден коротать время внутри различных предметов и терпеть постоянные прикосновения носителей. Но этот маленький дурачок превзошёл всех: он не выпускал подвеску из рук с утра до вечера. Даже во сне Чу Ван сжимал нефрит так крепко, что Чэн Яню казалось, будто его — несчастную душу — вот-вот раздавят.

И хотя духа, разумеется, невозможно задушить физически, ощущения были не из приятных. К тому же подопечный соображал туго и забывал наставления почти мгновенно. Чэн Яню оставалось лишь глубоко вздохнуть и твердить себе: как система, он обязан проявлять терпение.

«Сегодня ты останешься без сладостей» — строго произнёс он.

Лицо Чу Вана тут же вытянулось от огорчения:

— А? Почему?

Слуга, подметавший в это время двор, случайно поднял голову и увидел, как маленький цзюньван корчит рожицы, глядя на собственный пояс.

«...»

«С сегодняшнего вечера я сам буду составлять твой рацион, — сурово продолжал Чэн Янь. — Поменьше сладкого и жареного, питание должно быть сбалансированным. Тебе нужно больше продуктов, укрепляющих разум. Я составлю список, а ты передашь его старшей горничной»

Чу Ван обиженно надул губы, но спорить не посмел:

— Ну хорошо...

Он не совсем понимал, что такое «сбалансированное питание», но слова об «укреплении разума» дошли до его сознания. Раз он хотел стать умнее, значит, должен был во всём слушаться Господина Журавля.

«Вот и славно, — голос Чэн Яня смягчился, когда он услышал послушный ответ. — А теперь начнём историю»

Чу Ван мгновенно оживился. Он вскочил с места и воскликнул:

— Пойдём в сад! Я хочу слушать тебя там, под свежим ветерком!

Чэн Яню оставалось лишь снова напомнить:

«И не вздумай просить слуг принести пирожные»

Затем он начал:

«История, которую я расскажу тебе сегодня — о землепашце и змее...»

Впервые за свою службу в качестве системы Чэн Янь занимался духовным просвещением подопечного. И хотя он не был профессиональным наставником, огромная база данных легко решала любые трудности.

Обычно обучение детей в это время начиналось с заучивания «Тысячесловия» или «Троесловия». Но эти сухие, высокопарные тексты требовали от учеников лишь бездумного повторения. Чу Ван с его разумом не постиг бы их смысла и к восемнадцати годам. Более того, учитывая его слабую память, само заучивание стало бы для него непосильной пыткой.

Именно в этом крылась причина, по которой маленький цзюньван в детстве так и не смог одолеть грамоту и до сих пор едва читал. Изучив материалы по раннему развитию, Чэн Янь пришёл к выводу: вместо скучных и непонятных трактатов лучше начать с поучительных притч. Так юноша сможет не только слушать, но и понемногу учиться рассуждать.

Только научившись думать, он перестанет быть дурачком.

— Но ведь змея с самого начала выглядела злой! Почему же землепашец решил её спасти?

«Если бы ты встретил того, о ком точно знал, что он злой человек... но сейчас он был бы при смерти, плакал и молил о пощаде, прикидываясь несчастным — спас бы ты его?»

Чу Ван на несколько секунд замолчал, а затем тихо ответил:

— Я не знаю... Если бы ему было очень больно, то, наверное, спас бы.

«Вот и землепашец подумал так же»

— Но вокруг так много людей, и я не знаю, добрые они или злые. Как мне понять, кого спасти, а кого нет?

Чэн Янь задумался на мгновение, прежде чем ответить:

«Помогай в меру своих сил, но всегда ставь себя на первое место. Не будь глупцом, который заботится о других, забывая о себе. И помни: к любому человеку, кем бы он ни был, нужно относиться с долей осторожности»

Обучение шло даже медленнее, чем у малого дитя. Чэн Яню приходилось пересказывать одну и ту же историю каждые два дня, но маленький дурачок каждый раз слушал её с тем же восторгом, будто слышал впервые. Разумеется, и мудрые советы усваивались далеко не сразу.

Недуг Чу Вана возник из-за яда, которым его опоили ещё в колыбели, а значит, исцеление было возможно лишь при полном очищении крови. Чэн Янь знал несколько подходящих рецептов, но проблема заключалась в другом: он мог общаться только с Чу Ваном. Дух пока не придумал, как заставить юношу принять лекарство так, чтобы это не вызвало подозрений.

Однако прежде чем он успел что-то предпринять, к воротам поместья прибыл посыльный от Дай Чигуаня с письмом.

Чу Ван с радостью принял гостя. Объявив Чэн Яню, что сегодня историй не будет, он потащил господина Дая в беседку.

— Чигуань, я и не надеялся, что ты сам придёшь ко мне! — юноша сиял от счастья, не сводя восторженного взгляда со своего друга.

Подвеска была прикреплена к его поясу, и Чэн Янь, затаившись внутри, принялся внимательно изучать гостя. Тот был недурен собой: правильные черты лица, уверенный взгляд — чиновнику нынешней династии полагалось иметь благообразную внешность, и Дай Чигуань был среди них одним из лучших. Иначе ему вряд ли удалось бы так крепко привязать к себе Чу Вана, несмотря на своё переменчивое отношение — то холодное, то притворно-ласковое.

Дай Чигуань улыбнулся, но в этой улыбке не было ни капли искренности:

— Цзюньван, в тот день, когда вы меня ждали, у меня возникли неотложные дела. Прошу прощения, что не смог прибыть вовремя.

Чу Ван надулся:

— Не говори так сложно, я ничего не понимаю.

Собеседник, привыкший к капризам принца, мягко спросил:

— Неужели цзюньван всё ещё сердится на меня?

Юноша покачал головой:

— Я и не думал сердиться. Чигуань, почему ты снова зовёшь меня «цзюньваном»? Называй меня просто по имени — Чу Ван.

Дай Чигуань лишь вежливо улыбнулся, оставив просьбу без ответа, и перевёл разговор в другое русло:

— Я слышал, в последнее время вы совсем не покидаете поместье. Неужели нашли здесь какую-то новую забаву?

Чу Ван мгновенно оживился, но, вспомнив наставления, приложил палец к губам и таинственно прошептал:

— Чигуань, сейчас я не могу тебе сказать. Вот стану умным — тогда и узнаешь.

Чэн Янь строго-настрого запретил ему рассказывать об особенностях нефрита или упоминать об их ежедневных занятиях, и тот послушно хранил тайну.

Стать умным? Никто во всём мире не верил, что маленький цзюньван способен на такое. Император созывал лучших врачей, но все они лишь разводили руками. Чиновник тоже не принял эти слова всерьёз. Снисходительно улыбнувшись, он произнёс:

— Что ж, тогда я буду с нетерпением ждать этого дня.

— Я буду очень стараться! — радостно пообещал Чу Ван.

Он не замечал ни фальши, ни издёвки в чужом голосе. Маленькому цзюньвану казалось, что Господин Журавль всё-таки ошибся: Чигуань ведь так добр к нему, он даже сам пришёл навестить его.

— Цзюньван, до меня дошли слухи... — Дай Чигуань сделал паузу, — будто недавно вы обрели некую драгоценную нефритовую подвеску, которой очень дорожите. Уж не ту ли, что сейчас у вас на поясе?

Похоже, слухи о том, что принц целыми днями не выпускает из рук подарок настоятеля, уже разлетелись по столице, либо у гостя в поместье были свои соглядатаи. Ничего не подозревая, Чу Ван с гордостью продемонстрировал нефрит:

— Да, это она! Смотри, Чигуань, правда ведь красивая?

Дай Чигуань, поначалу хранивший напускное равнодушие, стоило ему разглядеть подвеску поближе, уже не мог отвести от неё глаз. Чэн Янь изнутри артефакта внимательно следил за каждым изменением в его лице. От него не укрылась вспышка алчного восторга,

промелькнувшая во взгляде господина Дая.

Вероятно, решив, что лишних свидетелей нет, а обмануть дурачка-принца будет проще простого, чиновник спросил с заметным нетерпением в голосе:

— Чу Ван, откуда у тебя эта вещь?

Юноша, польщённый тем, что тот наконец назвал его по имени, бесхитростно ответил:

— Её мне отдал настоятель храма Ляодэ.

Дай Чигуань, забыв о приличиях, протянул руку, чтобы коснуться нефрита.

— Какой чистый, безупречный камень, — вполголоса прошептал он. — А этот журавль... работа поистине божественная. Кажется, он вот-вот взмахнёт крыльями. Потрясающая вещь!

Чу Ван мысленно возликовал:

«Господин Журавль, Господин Журавль! Ты слышишь? Чигуань хвалит тебя! Какой он умный, я бы ни за что не подобрал таких красивых слов»

«Вели ему убрать руку, — проскрежетал Чэн Янь. — Пусть не смеет меня трогать»

«Ой... Хорошо»

Едва Дай Чигуань закончил свою похвалу, Чу Ван резко отёрнул подвеску и крепко сжал её в ладонях.

— Это... — он замялся, едва не прикусив язык от волнения. — Мне она тоже очень нравится. Спасибо за добрые слова, Чигуань!

«Господин Журавль запретил тебе прикасаться к нему, и я... я ничего не могу поделать!» — виновато думал маленький цзюньван.

Дай Чигуань помрачнел. Поведение Чу Вана показалось ему слишком необычным. Он поднял взгляд на юношу и, вновь нацепив маску доброжелательности, мягко произнёс:

— Чу Ван, мне очень приглянулась эта вещь. Кажется, будто сама судьба связала меня с ней с первого взгляда. Не согласишься ли ты уступить её мне?

Он ожидал, что маленький цзюньван, как обычно, тут же согласится исполнить любое его желание. Но, вопреки ожиданиям, юноша замер в нерешительности, опустив голову.

Вся столица знала, как сильно принц обожает Дай Чигуаня. Однако сам господин Дай всегда хранил образ человека возвышенного: он никогда не просил ничего прямо, лишь ждал подношений. Впервые он открыто попросил о чём-то, надеясь, что наивный дурачок с радостью отдаст подвеску. И надо же — тот засомневался!

Неужели какой-то кусок камня стал для Чу Вана важнее него самого? Чиновник терпеть не мог, когда его считали придатком при слабоумном принце, но мысль о потере власти над ним вызвала в его душе невольную тревогу.

Чу Ван же в это время отчаянно спорил с Чэн Янем.

«Господин Журавль! Что же мне делать? Можно я отдам тебя Чигуаню? А он будет каждый день приходить ко мне с тобой, и ты будешь рассказывать мне истории?»

«И не надейся! — огрызнулся Чэн Янь. — Если ты отдашь меня другому, наша связь оборвётся. Ты больше никогда меня не услышишь и уж точно никогда не станешь умным»

Обрести ясный разум было для Чу Вана важнее всего на свете. Он запаниковал:

«Но как же быть! Чигуань впервые попросил меня о чём-то, я не хочу ему отказывать...»

«Тогда сделай так, чтобы он сам пожалел о своей просьбе и забрал слова обратно», — холодно усмехнулся Чэн Янь.

«Позариться на мой носитель... Этот Дай Чигуань явно ищет неприятностей».

— Что мне нужно сделать? — спросил Чу Ван.

«Спроси его, — продиктовал Чэн Янь, — не желает ли он тем самым обменяться с тобой залогами любви?»

Юноша, не чувствуя подвоха, искренне удивился:

— Господин Журавль, так ты, оказывается, небесный старец Юэлао, спустившийся на землю, чтобы связать наши судьбы красной нитью?

«...»

«Был бы я Юэлао, — подумал Чэн Янь, — я бы первым делом перерезал твою нить судьбы с этим проходимцем!»

<http://bllate.org/book/15870/1436547>